

Елена Глебова

О чём молчит ягодный тис

Все на ночной карнавал!

— Собирайся же скорей, я жду! — маленький нетопырь в нарядных бирюзовых велюровых башмачках на кожаных лапках и с большим кружевным жабо до самого низа мохнатого брюшка подгонял второе такое же создание. Другая летучая мышка мучительно примеряла атласные банты, внимательно всматриваясь в своё отражение в глубокой мутной лужице. После дождя лес был напоён влагой. Деревья, кусты, травы и цветы источали такой головокружительный аромат, что хотелось утонуть в этой свежести леса, вдыхать и вдыхать упоительный воздух и ни о чём больше не думать. Есть в жизни радости, которые делают нас счастливыми, но мы редко их замечаем.

Маленькая мышь выбрала самый яркий атласный бант цвета фуксии, повязала его вокруг тощей мохнатой шейки, и два нетопыря взмыли в воздух.

— Думаешь, опоздаем? Разве можно вообще туда опоздать? — не унималась мышь с бантом.

— Опоздать в полном смысле слова туда невозможно, а пропустить всё самое интересное —

так это запросто, — последовал ответ крохотного нетопыря в велюровых башмачках.

— И долго нам лететь? — бант нетопыря развевался на холодном промозглом ветру. Дождь прошёл, и это отчётливо чувствовалось, ведь дожди в горах обильные и очень холодные. Карпаты суровы, но красота этих гор способна перечеркнуть все капризы местного микроклимата. Лавируя между отяжелевшими тучами, летучие мыши наслаждались видом гор с высоты. Горы, гордые отвесные потрясающие своей красотой скалы, громыхающие водопады, разросшиеся леса, чуть поодаль раскинувшиеся виноградники — вид с высоты облаков дарил взору неопишное, непревзойдённое по своей силе, утончённое удовольствие.

— Мы должны успеть к закату. Всё интересное начнётся, когда солнышко уступит своё место луне. Будет карнавал, — мышь на лету поправила сваливающиеся бирюзовые башмачки и сбавила темп.

— Карнавал? В честь чего? — мышь с бантом проверила наличие оногo на себе и тоже полетела чуть медленнее, — слушай, давай передохнём! Вон выступ на скале, повисим вверх тормашками немного, крылья ноют от такого перелёта, — атласный бант трепыхался вокруг острой влажной мохнатой мордочки, было видно, что его

обладательница сильно устала.

— Ладно, только я в ботинках. Придётся приземлиться прямо на брюхо, — ответила мышь в бирюзовых башмачках.

И две мохнатые крохотные тени плавно спикировали на скальный выступ. Вершина скалы была покрыта горными эдельвейсами. Шелковисто-бархатные серебристые цветы, как наскальные звёздочки, будоражили воображение. Человеку добраться сюда практически немыслимо — скалистый выступ не обещал ни одной удачной попытки даже самому изошрённому скалолазу, но для двух крохотных нетопырей каменная скала с шёлковой косицей, как ещё по-другому называют эдельвейсы местные жители, стала желанным и спасительным приютом в их долгом путешествии на ночной карнавал.

— Расскажи чуть подробнее, что за таинство, и почему все лесные жители так ожидают этот карнавал? — после приземления бант съехал, и мышь старательно вытягивала тощую шейку, чтобы привести себя в порядок.

— Ну, слушай тогда, — второй нетопырь скинул велюровые башмачки и блаженно вытянул мохнатые когтистые лапки, что было мочи.

Рассказ нетопыря в велюровых башмачках, или Легенда о ягодном тисе

— Я расскажу тебе вкратце, самую суть, — велюровые башмаки плавно покачивались на лепестках эдельвейса, и мыш, мечтательно закрыв глаза, начала свой рассказ.

«В Карпатах издавна проживал колдун. Колдуном его звали люди, кем он был на самом деле, сказать сложно. Это был очень высокий смуглый черноволосый человек с мужественными грубыми чертами лица, не носивший бороды и почти всегда угрюмый. Его острый нос венчала тонкая горбинка, говорившая о породе. Копна иссиня-чёрных волос тяжёлой лавой спадала с плеч. Брови, густые, нависшие и такие же иссиня-чёрные оттеняли ярко-синие глаза продолговатой миндалевидной формы. Очень крепкого телосложения, мрачный, нелюдимый, не от мира сего, с тяжёлым умным взглядом и величественной поступью, он жил в горах недалеко от людских деревень. Его аскетичный облик никак не вязался с легендами о нём. Люди молвили, будто колдун дюже богат, будто живёт он в горах в наскальном замке, служат ему в этом замке не люди, а птицы, белки, мыши, ежи и зайцы. Говорили также, что

колдун выпивает каждый день три огромных кубка мёда, который приносят ему сами пчёлы с местной пасеки, и не ест ни рыбы, ни мяса — на что только не способна человеческая фантазия. Колдуна боялись. Случилось, что во время охоты один из местных убил косулю, так колдун поднял руку на человека, и хлопчик тот долго потом в лес не хаживал — боялся новой встречи с колдуном. Единственное, что поражало деревенских — так это отношение колдуна к детям. Колдун нашёл в горах заплутавшего мальчика, забрал к себе в наскальный замок, отогрел, накормил, напоил, дал тёплую одежду и припроводил на следующий день обратно в деревню, да не с пустыми руками, а сунул в ладошки ребёнку две золотые монеты. Прознал колдун, что семья мальчонки в крайней бедности и нужде прозябает. Отсюда и пошли слухи о чрезвычайном богатстве колдуна и его прислужницах-белках. Чего только потом этот малец у себя дома не нарасказывал. Если верить мальчонке, так колдун не так суров и не жаден вовсе, и к людям относится весьма терпимо, и нет в его сердце ни ненависти, ни злобы, лишь печаль жгучая. А к ребятишкам малым колдун вообще добр и терпелив, и очень участлив. Говорит, что «дети — как цветы на земле, и нет ничего прекраснее и добрее этих созданий».

Жизнь текла своим чередом. Старики

отпускали бороды, детский плач оглашал деревни, играли свадьбы, пели песни, водили хороводы, собирали один урожай за другим, одна ярмарка сменяла другую — события ускользали сплошной чередой, как песок сквозь пальцы. Лишь одного колдуна время не трогало. Он не менялся ни внешне, ни внутренне. Его неизменно видели черноволосым, чернобровым, безбородым, сильным и крепким, всегда одиноким и угрюмым. Знали люди и о печальной судьбе колдуна.

Редко захаживал колдун в местные деревеньки. Слезной мольбою упрашивали его порой излечить недуг. Ко взрослым больным он редко хаживал, а на просьбу спасти жизнь ребёнка всегда откликался. Не было ни одного раза, когда бы колдун пренебрёг мольбою матери о здоровье её дитя. Появляясь в одной из деревень раз за разом, колдун невольно, незаметно для самого себя стал захаживать туда всё чаще и чаще. На краю деревни росла сирота. Беспризорная девчушка лет восемнадцати сама и в поле работала, и в саду, и за скотиной ухаживала, могла и плетень подкосившийся поправить, и воды кадку доверху натаскать, и за хворостом на лошадёнке в лес съездить, и ниток напрямь из мотка шерсти, и хлеб испечь, и сшить на себя, что угодно. Жизнь научила её не бояться никакой работы. Трудолюбивая, старательная, всего она достигала своим трудом и

упорством — выбора не было, это удел любой сироты. И колдун, проходя мимо её хаты, как-то само собой заглядывался на дивчину, и не раз, и не два, и даже не три, потом понял, в чём дело, и пришёл в её дом незваным гостем. Это случилось с колдуном впервые — единственный раз в своей жизни, когда он оробел перед смертной. Девчоночка взглянула на него, смекнула, зачем появился на пороге, и плеснула на него воды из кадки — дескать, иди, куда шёл. Вместо того, чтобы обозлиться и ощериться, он низко склонился перед дивчиной и тихо произнёс: «Не гони меня прочь, девица, а дай слово молвить...» Что было дальше, никто не слышал, но только колдун стал частым гостем в хате сироты, а через некоторое время на руке красавицы деревенские разглядели золотое обручальное колечко. Колдун был не верующий, священник не освящал их брак, но суть происходящего не менялась: вся деревня знала, что сиротка вышла замуж за колдуна. Хата дивчины преобразилась с тех пор. О её нарядах в окрестных деревнях ходили легенды. Говаривали люди, будто едят они с колдуном на золоте, спят на шелках, носят сафьяновые сапожки, а в ушах у дивчины горят рубины величиной с дикую сливу. Любил колдун свою жену без меры, поражаясь самому себе, насколько же чувство может изменить, преобразить человека. Живя в деревне, колдун так

или иначе сталкивался с местными. Его не любили. За что — сложно сказать. Он просто был не таким, как все. Иного нрава, иной веры — не носил креста на шее — угрюмый, вечно погружённый в себя, высокий, статный, очень рослый, не каждый казак мог помериться с ним силушкой, а самое главное — богатый, и отколь богатство сиё — никому было неведомо, а раз неведомо, значит, от нечистой силы. И завидовали молодухи в окрестных деревнях, что какая-то девка, сирота, без роду, без племени живёт, как княжна, в любви и довольстве избыточном. Колдун впервые за свои тысячи лет земной жизни был счастлив. Это незнакомое ему состояние передавалось всему живому вокруг — цветы распускались, когда ступал колдун своими могучими стальными подошвами по лесным тропинкам, птицы издавали свои переливчатые трели, занимаясь на разный лад, звери приветственным рычанием провожали его рослую фигуру. Но настоящее состояние полёта, неопишуемой эйфории ощутил колдун с рождением дочери. Крохотное создание назвали Изольдой. Малышка была, как две капли воды, отражением самого колдуна. Он смотрелся в неё, как в зеркало, узнавая в ней свои черты, мимику лица, движения, интонации голоса. Тогда колдун впервые задумался о своём бессмертии. А надо ли оставаться бессмертным? Может, лучше обрести душу

смертного, стать, как все, и всю жизнь посвятить своему ребёнку, быть подле девочки и жены?

Спустя полгода в деревне заболел молодой казак. Жена казака упросила колдуна вылечить мужа, и тот согласился врачевать. Сначала казаку стало лучше. Но женщина то ли спутала настои трав, то ли не выдержала время приёма лекарственного зелья, только как ушёл колдун, становилось казаку всё хуже и хуже. Пригласили местного знахаря. Через два дня казака похоронили. Деревенские все, как один, ополчились против колдуна. Дескать, это он сгубил парубка. Ненависть деревенских, смешанная с затаённой завистью и неприязнью, ищущей только предлога, чтобы выплеснуться наружу, достигла предела. Исподтишка, тихой сапой отравили они колодец подле хаты, где жил колдун со своей молодой женой и новорождённой малышкой. Отравленная колодезная вода досталась только жене колдуна. Спасти её он не сумел. Возненавидев весь белый свет, колдун в охалку схватил новорождённое дитя и ушёл в горы. С тех пор его больше никто не видел, ни самого колдуна, ни его малышку. Спустя неделю в деревне случился страшный по своей силе пожар. Обугленные хаты и выжженные дотла дворы напоминали деревенским об угрюмом колдуне. Проклятия сыпались на его

иссиня-чёрную гордую голову, но почему-то обрушивались снова и снова на проклинаящих.

Несколькими месяцами ранее другой отшельник, немолодой лесник, живший в горах далеко от людей, нашёл в коробе из бересты грудное дитя. Мальчонке от роду был месяц, а то и менее. Никого поблизости не было, только грудной, голодный, испуганный и безутешный надрывный плач крохотного существа оглашал скальные выступы. Лесник дрожащими руками поднял малыша с земли, прижал к себе и с интересом взглянул в крохотное обезображенное рёвом личико: «Этак, кто это тебя бросил на произвол судьбы? Что за мать родила тебя и кинула хищникам на съедение?» Лесник держал козу в своём охотничьем домике. Принеся дитя домой, он перепеленал его в подвернувшуюся под руки ветошь, обмакнул кусочек тряпицы в козье молоко и дал пососать младенцу. Ребёночек выжил, чуть погодя он уже мог пить из маленькой чаши, а когда появились первые зубки, младенец кушал вместе с лесником и хлеб, и каши, и любую мелко истолчённую пищу. Старый лесник, у которого за плечами прошла большая часть отрешённой от мира, затворнической, одинокой жизни, каждый день благодарил Небо за несказанный подарок. Ребёночка он окрестил в православном храме в одной Карпатской деревушке. В метриках записали

лесника отцом чада и нарекли ребёночка Феодосием, что означает «данный Богом» с греческого.

Вот и получилось так, что в горах, не так и далеко от людского жилища, росли Изольда и Феодосий. Если колдун воспитывал свою дочь, как маленькую принцессу, которая с малолетства не знала отказа ни в чём, то Феодосий рос в охотничьем домике старого лесника, бессребреника, у которого самым ценным в избушке был образ Богородицы. Карпаты своим чарующим великолепием дарили детям то незабываемое детство, которое так часто потом приходит во сне, особенно когда на душе метель. И колдун, и лесник отлично знали друг друга. Знакомые не один десяток лет, они на глазах друг у друга растили близких по возрасту детей. Оба они — и старик лесник, и колдун — были, по сути, отшельниками. Один — глубоко верующий, другой — прожжённый язычник, они с лёгкостью находили общий язык. Настоящая любовь, трепетное отношение к природе, обожание каждым своего ребёнка и постоянная родительская опека сблизили их настолько, что эти двое выброшенных из жизни и таких разных людей стали почти друзьями. Феодосий каждый день виделся с Изольдой, часами играл с ней и был частым гостем в её наскальном роскошном замке. Колдун, в

мрачном молчании ненавидящий весь человеческий род, с теплотой в сердце относился к мальчугану и был рад, что у его дочери есть такой друг. Девчушка, унаследовавшая внешность колдуна, имела душу и характер своей матери, покоряя своим непосредственным детским обаянием всё живое вокруг. Колдун любовался ею, дышал и жил только ей одной. Все сокровища его наскального роскошного замка были у ног маленькой Изольды.

Феодосий же с детства был приучен лесником к труду. Старый лесник, в прошлом монах, знал всё о природе своего края, стараясь передать все свои знания названному сыну. Он так и не признался маленькому Феодосию, что нашёл его в горах в берестяном коробе, любил его, как своего родного ребёнка, и боготворил не меньше, чем колдун свою дочь. Говорят, что ребёночка надо вылюбить, только тогда он вырастет добрым, отзывчивым, чутким и способным любить окружающих. И колдун, и лесник на славу справились с этой задачей. Маленькая Изольда в кожаных черевичках и холщовом платице с берестяной полоской на лбу вокруг головы бегала по лесу вместе с Феодосием. Мальчишка показывал ей, как ухаживать за пчёлами, как устраивать их на зимовку, как кормить, как собирать мёд, как его хранить, как доить козу, где лучше собирать хворост и какой, где интереснее всего прятать в земле «секретики», как

расставлять силки на птиц — Изольда знала и умела всё, и вряд ли кто другой стал бы для неё лучшим другом, нежели маленький Феодосий.

Годы летели, как птичьи стаи. В горах время не ощущается. Жили эти две такие не похожие друг на друга семьи поблизости, как золото вешали — мирно да гладко. Лесник с Феодосием собирали грибы да ягоды. Ради ребёнка пришлось леснику разработать свой огород и, кроме козы, обзавестись ещё и курами. Научил лесник маленького своего сынишку охотиться на дичь сызмальства. Маленький Феодосий уже в пятилетнем возрасте мог принести с охоты жирного тетерева, крохотных вальдшнепов, а то и огромного самого красавца-глухаря. Феодосий с удовольствием угощал копчёной птицей маленькую Изольду, показывал ей всевозможные ухищрения в вымачивании и приготовлении дичи. Им было интересно вдвоём, и не нужно было шумной детской толпы — эти двое рука об руку открывали свой мир Карпат с их медовыми водопадами, шквалистым ветром, холодными проливными дождями и камнепадами, пахучей лавандой, растущей на склонах гор, и дикими колокольчиками, крокусами и мышиним горошком. Зная каждое дерево в округе, каждый куст и все до одной лесные и горные тропки, они пропадали целыми днями напролёт в своём собственном

королевстве без короля и королевы, имя которому было Карпаты.

Семнадцать лет минули так же быстро и незаметно, как появляются первые морщины у красавицы. Феодосий так же охотился, помогал во всём старому, одряхлевшему совсем к тому времени леснику, был его опорой и надеждой, его любимым уже взрослым сыном, его душой, его надеждой, его будущим. Старик души не чаял в мальчике, поражаясь, каким статным красавцем вырос его возмужавший сын. Природа, отняв у ребёнка настоящих родителей, щедро одарила его внешними данными и богатством внутреннего мира. Очень рослый, по росту значительно обогнавший самого колдуна, широкоплечий, мужественный, крепкий и крайне сильный и выносливый, Феодосий сочетал в себе редкую мужскую суровую красоту и острый восприимчивый ум. Правильные черты лица, словно слепок с античной статуи, поражали благородством и изысканностью. Тонкий прямой чётко очерченный нос, изогнутые дугой чёрные густые брови, глаза цвета голубых ирисов, яркие, с открытым честным немигающим и добрым взглядом, и такие же яркие губы. Спрятанный в лесной глуши Феодосий мог без труда стать любимцем при любом знатном дворе даже только благодаря редчайшей внешности, которую по

жребию раздал Создатель. Вряд ли сам Феодосий осознавал всю степень своей привлекательности. Нет, он рос среди скал и покрытых лесами гор, лазал по деревьям и выслеживал дичь, помогал отцу и был хорошим другом для Изольды и... всё. Изольда видела в нём другое. И с каждым днём притяжение росло, оформляясь в смутное предчувствие совсем не детской привязанности со стороны юной девушки. Колдун внимательно наблюдал за изменениями в поведении и характере дочери и был бессилён что-либо предпринять в этом случае. Он панически боялся, что красавец Феодосий отберёт у него его маленькую Изольду, уведёт её к себе в жалкую ветхую избушку, по сути, лачугу, среди гор, а колдуну останутся разве что её детские платьишки, куклы, да потрескавшиеся от времени стёртые воспоминания.

Так думал колдун, так мечтала сама Изольда. Но ни тот, ни другой не оказались правы в своих опасениях и желаниях. Скрипучая кибитка трупы бродячих актёров перевернула всю жизнь и Феодосия, и Изольды, а с ними лесника и колдуна. Ветхая выцветшая материя неплотно прилегала к хлипкому каркасу старой разбитой телеги, которую едва-едва волочила за собой гнедая тощая лошадёнка. Ветер срывал матерью с кибитки, обнажая скудное имущество небольшой группы ездоков. Трупку бродячих актёров сопровождал

верный пёс, бежавший рядом с гневной кобылой и готовый обляять кого угодно, лишь бы развлечь печальных обитателей дорожной кибитки. Их было четверо: мужчина в возрасте, парнишка лет двенадцати, женщина, чья молодость осталась в прошлом столетии, и девчушка пятнадцати лет. Гремучая смесь национальностей — откуда они были родом, сказать было сложно. Язык, на котором общались эти такие разные внешне люди, поражал музыкальностью и красотой звучания. Скорей всего, бродячие комедианты были румынами. Смуглолицые, черноглазые, чернобровые и подвижные, со слегка вытянутым овалом лица они чем-то напоминали цыган и в облике, и в манере поведения. Все четверо были очень сухощавы, можно сказать худы, и бедно одеты. Сказать, что на них были лохмотья — это не сказать ничего. Убогого вида кляча мало чем отличалась от своих хозяев. Поражало в этом шествии нищеты только одно — взгляд этих людей. Ни крыши, ни одежды, скорей всего случайный кусок хлеба, разовые скудные заработки, ни будущего — запинаящаяся кляча, отвозившая эту четвёрку в сторону Трансильвании — вот и всё их имущество, а во взгляде была поражающая лёгкость и свобода. Они не имели ничего, даже достаточно тёплой одежды и сносной добротной обуви, но они не роптали. Глаза горели, по худым впалым щекам

скользила улыбка, они переговаривались о чём-то и даже смеялись, что было даже несколько странно при их образе существования. «Как птицы живут и счастливы», — подумал Феодосий, скользя взглядом по раскачивающейся в такт поступи лошади кибитке. Феодосий притянул к себе Изольду, тихонько шепнув на ухо: «Смотри, Изольда! Это бродячие музыканты! Видишь кибитку?» — Феодосий внимательно всматривался в дорожную колею, эти четверо с тощей клячей во главе поглощали всё его внимание. Тут ось у колеса кибитки надрывно взвизгнула и надломилась. Колесо слетело и покатило за колею дороги, к скальному выступу, за которым прятались Феодосий и Изольда. Феодосий сильными руками поймал убегающее деревянное колесо и выступил на дорогу, объявляя о своём здесь присутствии. За ним из-за скального выступа вышла и Изольда.

По старому обычаю, воспитанному в юноше лесником, Феодосий в пояс поклонился проезжающим и подал мужчине сбежавшее колесо. Тот улыбнулся широкой белозубой улыбкой, обнажающей два ряда прекрасных зубов, что-то процокал на своём музыкальном языке и с благодарностью принял деревянную деталь. «Надо же, на вид уже совсем не молод, а зубы просто превосходные, — мелькнуло в голове у Феодосия, — откуда они родом? Они совсем

другие, чем мы, и лицом, и сложены по-другому. И не цыгане вроде как. Кто же?» Тем временем мужчина вывел всех из кибитки и стал пытаться прилаживать колесо на место. Феодосий, недолго думая, подошёл к нему и знаками показал, что ремонт гораздо сложнее, нежели кажется на первый взгляд. Найдя в кибитке какой-то плохонький инструмент, точнее, его подобие, Феодосий помог бродячему актёру заменить ось и насадить на неё колёсо. Всё это время Изольда стояла и наблюдала, как смуглая кудрявая девчушка магнетическим взглядом, почти не отрываясь, в упор смотрела на Феодосия. Когда же кибитка была починена, и менестрели смогли продолжить свой путь, девчушка из кибитки подошла вплотную к Феодосию, вытащила из волос горную розу и протянула её юноше, не отрывая от него своего горящего взгляда чёрных глаз, где нельзя было различить даже зрачков. Кибитка уезжала вдаль, за ней тянулась мелодичная песня черноглазой девушки. Это был последний привет незнакомки Феодосию, песня, исполненная на незнакомом, чужом для него наречии, но звучание голоса говорило само за себя. Это была песня о любви, и Изольда болезненно остро почувствовала незримую нить, которая тянулась от черноглазой девушки к сердцу Феодосия.